

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФУНКЦИЙ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Л. Федорова

В модели коммуникативного акта Р. Якобсона содержится момент, вызывающий неоднозначные интерпретации. Речь идет о переходе от структурного представления коммуникативного акта к его функциональной проекции. Собственно, у Р. Якобсона говорится о функциях языка, которые выводятся из модели коммуникативного акта, потому естественно их рассматривать на уровне самих коммуникативных актов.

По Р. Якобсону [1], каждый из шести компонентов речевого (коммуникативного) акта – *Отправитель, Получатель, Сообщение, Контекст, Контакт, Код* – задает особую функциональную направленность высказывания, если попадает в его фокус. Фокус определяется коммуникативной установкой говорящего, акцентирующего одну из сторон высказывания. Акцент на самом говорящем (Отправителе) обуславливает *эмотивную* функцию высказывания, связанную с выражением эмоционального состояния говорящего, установка на адресата – *конативную* функцию, акцент на сообщении актуализирует *поэтическую* функцию высказывания, сосредоточение на контексте – *референтивную*, ориентация на контакт определяет *контактную, фатическую* функцию, а установка на код – *метаязыковую*, т.е. направленную на объяснение употребления языковых знаков. Различия между высказываниями заключаются, по мысли Якобсона, не в монопольном проявлении какой-либо функции, а в их иерархии, а словесная структура высказываний зависит от преобладающей функции.

При анализе конкретных примеров речевых актов не всегда оказывается легко выделить их основную функциональную нагрузку, ориентируясь на словесную структуру высказываний, и тем более установить иерархию функций. Неоднозначность интерпретации порождается, в первую очередь, тем, что у Якобсона не везде отмечены (по-видимому, как само собой разумеющиеся) языковые критерии этого выделения. Однако даже У. Эко в трактовке якобсоновских функций отходит от оригинала: эмотивную функцию он рассматривает как воздействие на собеседника: «... в большинстве случаев в наших сообщениях преобладает эмотивная функция, делающая их побудительными» [2, 98]; (в оригинале – *il messaggio persuasivo* – ‘убеждающее сообщение’ [2, Примечания, 418]).

Как представляется, продуктивные критерии к определению функций высказывания можно было бы выделить, обращаясь к анализу языковой формы высказывания при параллельном использовании *техники комментирования* – восстановлении коммуникативного намерения говорящего с помощью глаголов речевых действий в соответствии с конкретной ситуацией общения.

В качестве примеров техники комментирования удобно рассмотреть анализ цитат из общеизвестных текстов (сказок, загадок и т.п.).

(1) «Грусть-тоска меня снедает,

Одолела молодца,

Видеть я б хотел отца.»

Восстановить ситуацию можно, обратившись к тексту А.С. Пушкина. Гвидон отвечает на вопрос царевны-Лебедь: «...Что ты тих, как день ненастный, Опечалился чему?». Его ответ можно рассматривать как сообщение некоторого факта и объяснение его причины. Но сам сообщаемый факт, как и вопрос, сосредоточен на царевиче, его состоянии. Комментируя эту ситуацию, можно сказать: царевич *сетует, жалуется*, он жалуется царевне на свое состояние, выражает тоску, объясняя ее желанием видеть отца.

Другой пример:

(2) «Я колобок-колобок,

По амбару метен, по сусекам скребен,...

Я от бабушки ушел и от дедушки ушел...».

Рассказывая свою историю, Колобок *хвастается*, он *хвалится* своей ловкостью, удалью, причем каждый раз перед разными собеседниками.

(3) «Сивка-бурка, вещий каурка,

Встань передо мной, как лист перед травой!»

Здесь Иванушка *призывает* своего коня, *приказывает* ему явиться. Или:

(4) «Петушок-петушок, золотой гребешок,

Масляна головушка, шелкова бородушка,

Выгляни в окошко: дам тебе горошка!»

Лиса *выманивает* петушка, *приглашая* его выглянуть, *соблазняя* его хвалебными речами и посулами.

При пересказе известных сказочных ситуаций для интерпретации речевого поведения персонажей использованы глаголы речевых действий: (1) *сетует*, *жалуется*, (2) *хвастается*, *хвалится*, (3) *призывает*, *приказывает*, (4) *выманивает*, *приглашает*, *соблазняет*. Сравнивая эти глаголы, можно заметить их различную валентную структуру: глаголы, комментирующие ситуации (3) и (4), – переходные, нормально управляют прямым объектом, в роли которого выступает адресат – он является объектом речевого воздействия говорящего. Глаголы в ситуациях (1) и (2) – непереходные, в их валентной структуре объекты возможны в косвенном падеже: *жалуется кому на что*, *хвастается чем перед кем*. Важно, что эти объекты необязательны в структуре предложения, они могут быть опущены, а ситуации описываются просто: (1) *царевич жалуется*, (2) *колобок хвастается*. Сведение комментария к минимальной структуре соответствует фокусированию, выделению главного. В фокусе комментария – выражение состояния субъекта, передаваемого нормальным безобъектным употреблением глагола речевого действия. В фокусе словесной структуры исходного высказывания – говорящий, обозначенный формами 1 лица местоимений и глаголов. Соответствие, устанавливаемое между словесной структурой высказывания и структурой комментирования, позволяет более определенно говорить о преобладании эмотивной (экспрессивной) функции. Класс глаголов речевого действия, способных к безобъектному употреблению, был нами обозначен как глаголы «самовыражения» [3]. Бесспорно, что выражение чувства оказывает эмоциональное воздействие на адресата, потому в глаголах комментирования возможна валентность на адресата: *жаловаться кому-либо*, *хвастаться перед кем-либо*, что позволяет выделять речевоздействующую (конативную) функцию вслед за эмотивной в иерархии функций высказывания. Однако если адресат формально (в словесной структуре) не выражен, то он и не попадает в фокус высказывания, тем самым конативная функция оказывается косвенной, вторичной. Более того, подобные глаголы предполагают и полное заполнение валентностей: *жаловаться кому-либо на что-либо (кого-либо)*, *хвастаться чем-либо перед кем-либо*, однако при максимальном сужении фокуса в конструкции комментирования подобные глаголы самодостаточны в безобъектном употреблении.

При описании ситуаций (3) и (4) нормально использовать глаголы другой структуры: с обязательной валентностью прямого объекта – собеседника. Эти глаголы были ранее охарактеризованы как глаголы речевого воздействия [3]. В фокус высказывания при этом попадают компоненты, связанные с обозначением адресата (обращения) или с указанием на него (глаголы повелительного наклонения, местоимения 2 лица). И здесь, однако, возможны случаи, когда заполняется и другая объектная валентность: *приказывать кому-либо сделать что-либо*, *приглашать кого-либо сделать что-либо*; но важной все равно остается выделенность адресата.

Наконец, иным образом описываются ситуации для таких высказываний:

(5) «Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком»;

(6) «Не на небе, на земле

Жил старик в одном селе».

Здесь отправитель – автор – *рассказывает*, *сообщает* нечто адресату, читателю. Структура восстанавливаемых глаголов комментирования имеет прямой объект, им выступает само сообщаемое; возможна и синонимическая конструкция с использованием косвенного объекта – предмета сообщения в предложном падеже с предлогом *о*: автор *рассказывает о* чем-то, ком-то. Возможность двоякого комментирования позволяет усматривать здесь ориентацию как на само сообщение, так и на контекст (в понимании Якобсона референт – то, о чем идет речь). В первом случае, согласно трактовке Якобсона, формируется поэтическая функция, фактически означающая внимание к выбору формы высказывания среди синонимических средств языка. Во втором случае речь идет о референтивной функции, связывающей сообщения с контекстом. Тем самым акцент на сообщении выделяет форму, а акцент на контексте – содержание сообщения. Это порой воспринимается как странная непоследовательность: казалось бы, акцент на сообщении должен выделять его содержание, а акцент на контексте – отношение

содержания к действительности. Здесь, однако, нет логического несоответствия предложенному критерию определения функции, ведь нормально прямым объектом для глаголов *рассказывать*, *сообщать* является существительное, называющее форму или жанр сообщения: *рассказывать сказку*, *сообщать ответ*. Эта конструкция представляет собой способ максимального обобщения, обозначения сообщаемого как целого; акцент при этом перемещается на оформление целого (хотя возможно обобщение и по содержанию: *сказать глупость*, *сообщить новость*; но чаще обобщение по форме оказывается более очевидным). В данном случае комментарий соответствует способу представления сообщения, при котором оно опознается как особый, цельный текст; таким образом, поэтическая функция представляет собой не функцию поэтической речи, а функцию выделения инородного по отношению к основному тексту (иногда в разговорной речи маркером инородного текста – цитаты – служит интонация).

В противоположность этому конструкция «о + Пр. п.» выделяет тему, фокус направляется на внеязыковую ситуацию, вернее, на ее главный компонент, о котором идет речь (*сообщать о происшествии*, *рассказывать о сестрицах*). Выбор наиболее адекватной конструкции комментирования ориентирован на распознавание коммуникативного намерения говорящего: если у высказывания в первую очередь распознается его жанр, т.е. оно маркировано по форме, то вперед выступает поэтическая функция; если же главным оказывается тема – на первый план выходит референтивная функция.

Возможную неоднозначность трактовки компонентов Контекст и Сообщение снимает Д. Хаймз, предлагая в модели коммуникативного акта различать *Форму сообщения* и *Содержание (Тему) сообщения*, а под *Контекстом* понимать ситуацию, физические и психологические обстоятельства общения [4]. При этом, соответственно, меняется представление о функциях, связанных с данными компонентами. Так, различные функции для высказывания – «Быть или не быть» выполняет контекст представления «Гамлета», репетиции «Гамлета» и цитирования «Гамлета» в жизненной ситуации выбора решения. Он обуславливает, в частности, возможность каждый раз иного осмысления и реакции на данное высказывание: в первом случае это указание на «не-действительность» в реальном мире и «действительность» в виртуальном мире трагедии Шекспира, не предполагающее словесной реакции адресата-зрителя; во втором – указание на «не-действительность» в виртуальном мире Шекспира и на факт игры в реальном мире, что допускает реплики режиссера: Стоп! Повторить! и проч.; в третьем случае это указание на реальную действительность, которое допускает реакцию совета. При этом в первом случае в фокусе высказывания, скорее всего, содержание сообщения, во втором – экспрессия исполнителя, в третьем – форма, позволяющая узнать цитату.

Неоднозначность возможна и в трактовке следующих примеров:

(7) «Сто одежек, все без застежек»;

(8) «Биссектриса – это крыса,

которая бегает по углам и делит угол пополам».

(9) «Я тучка, тучка, тучка,

Я вовсе не медведь...»

Очевидно, что здесь говорящий производит вполне определенные речевые действия: *загадывает загадку*, *дает определение*, *дает себе название*. Поскольку объектами глаголов комментирования выступают названия речевых произведений, закономерно считать эти высказывания осуществляющими поэтическую функцию, т.е. привлечение внимания самой формой сообщения. Однако коммуникативная установка говорящего этим не исчерпывается: высказывания направлены на уяснение смысла аллегории. Задача адресата – правильно установить референцию, соответствие действительности, что возможно расшифровкой метафоры, которая выступает как некоторый закон соответствия, особый код. Таким образом, в фокус высказывания попадает этот особый код, обеспечивающий перенос значения, т.е. высказывание осуществляет метаязыковую функцию.

Из приведенных примеров видно, что и поэтическая, и метаязыковая функции имеют отношение к особому употреблению языка. Якобсон, разделяя поэтическую и метаязыковую функции высказываний, отмечал, что обе используют принцип эквивалентности в языке – в частности, синонимии, однако поэтическая функция использует эквивалентность для построения целостного текста, в то время как метаязыковая использует текст для объяснения синонимии. Это можно интерпретировать следующим образом: если в словесной структуре высказывания отражены отношения эквивалентности между синонимическими обозначениями одного объекта или ситуации (биссектриса и крыса, Пух и тучка), речь, скорее всего, идет о метаязыковой функции, если же подразумеваемая эквивалентность (иносказания и исходного обозначения) служит созданию текста загадки как особого жанра, то тем самым осуществляется поэтическая функция. Отсюда должно следовать, что пример (7) воплощает поэтическую, а примеры (8) и (9) – метаязыковую функции. Тем не менее ожидаемая реакция на загадку (например, в ситуации ее загадывания ребенку) – отгадка; поэтическая функция, маркирующая «особенную речь», вторична, служит привлечению внимания к особому коду, маскирующему истинную референцию.

В речи мы очень часто используем метафоры, но они в силу своей прозрачности, стандартности обычно не создают затруднений в поиске референции и потому не фокусируют код. Задача поиска эквивалентности в загадке активизирует метаязыковую функцию, загадка фактически кодирует отгадку, при этом метафора (код) является произвольной и непрозрачной и потому естественным образом попадает в фокус.

В загадке, таким образом, можно вести речь и о поэтической функции, создаваемой неординарным употреблением языка, и о метаязыковой функции – распознавания метафоры, и о референтивной функции установления искомой связи с действительностью (которую осуществляет высказывание-отгадка) и, конечно, о конативной – речевоздействующей функции – побуждения к решению загадки. Эти функции неразрывно связаны, и выяснить их иерархию можно лишь в конкретных контекстах предъявления, в конкретных ситуациях общения.

Особенность метаязыковой функции может проявляться и в выделении «знаковости» отдельных элементов текста. Так, в ситуации знакомства Том Сойер замечает на реплику Бекки, вспомнившей, что его зовут Томас:

(10) «... Меня называют так (= Томас), когда хотят высечь. Когда я веду себя хорошо, меня зовут Том.»

Знаковость разных форм личного имени определяется указанием условий их употребления.

Наконец, еще одна функция, называемая Якобсоном фатической, может иллюстрироваться следующими примерами:

(11) «Здорово, кума! (- На базаре была!);»

(12) «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!»;

(13) «Здорово, парнище! (-Ступай себе мимо)»

В них говорящий приветствует адресата. В фокусе – формулы приветствия, тем самым высказывания осуществляют контактную функцию. Отметим, что в понимание контакта включается не только коммуникативная сторона – установление речевого взаимодействия, но и социальная – поддержание отношений между собеседниками, чему служит «величание» собеседника в соответствии с его статусом. Тем самым ориентация на контакт предполагает задачи как установления, так и поддержания контакта. Реакции адресата могут свидетельствовать о том, что «контактоподдерживающая» (собственно фатическая) функция успешно осуществляется даже тогда, когда «контактоустанавливающая» не вполне «срабатывает» (как в 11 примере); с другой стороны, попытки установления речевого контакта не всегда встречают готовность адресата его поддержать (как в 13 примере).

При том, что приведенные в примерах 11 - 13 реплики очевидным образом направлены на установление контакта и могут быть описаны структурой: «*Говорящий приветствует Адресата*», они в то же время являются частным случаем воздействия на адресата, побуждающего его к ответным речевым действиям. Правда, это воздействие особого рода: оно имеет социально регламентированный характер. Его особенность проявляется в том, что оно не имеет других объектов, кроме Адресата, которые переводили бы референцию в план внеречевой ситуации; оно замкнуто на ситуации общения. В высказываниях присутствует обозначение 2 лица – обращение, и поэтому есть полное основание считать их выполняющими конативную, по Якобсону, функцию. Вообще обозначения функций - конативная, директивная, апеллятивная и побудительная - нередко используются как синонимы. Кажется рациональным различать при речевом воздействии функцию обращения к собеседнику, возможно побуждения его к ответу – собственно апеллятивную – и функцию побуждения его к действию – директивную, побудительную. В данных примерах наряду с контактной выполняется и апеллятивная функция. При этом контактная функция оказывается самостоятельной, подчиненной апеллятивной.

Основными функциями, соответствующими традиционной трехвершинной модели речевого акта, Якобсон считает референтивную (коммуникативную), эмотивную (экспрессивную) и конативную (побудительную) функции; остальные он вводит как добавочные. Они реализуются в особых условиях коммуникации: при необходимости установления контакта или проверки взаимопонимания, при особом внимании к формальной стороне текста. Из этого следует, что они обычно сочетаются с основными функциями, образуя иерархию, о которой говорит Якобсон.

Предложенная техника комментирования оперирует глаголами речевых действий, которые, в соответствии с основными функциями речевых актов, могут иметь характер самовыражения, либо воздействия, либо собственно коммуникативный, связанный с передачей или запросом информации. Различие между этими типами глаголов определяется их валентной структурой, как было показано выше. Однако интерпретация речевого действия может быть разноаспектной: во многих случаях речевое поведение говорящих может характеризоваться сразу с трех сторон, глаголами всех трех типов, так что может показаться, что комментирование мало проясняет картину.

В самом деле, в (1) Гвидон *жалуется*, он *высказывает желание* и тем самым оказывает *эмоциональное воздействие* на царевну-Лебедь. В его высказывании, однако, воздействие не выражено явно, не попадает в фокус,

зато можно отметить самовыражение – жалобу и коммуникативное действие – пожелание, значит, речь может идти об эмотивной и референтивной функциях (по Якобсону), или о функциях самовыражения и коммуникативной.

В примере

(14) «Кто-кто в теремочке живет?

Я, мышка-норушка,

Я, лягушка-квакушка...»

вопрос медведя выполняет сразу несколько функций: во-первых, это *обращение* к адресату, хотя бы и неизвестному, т.е. выражение апеллятивной функции, во-вторых, это *выяснение информации*, т.е. воплощение коммуникативной, референтивной функции, наконец, это *установление контакта*, т.е. реализация контактной функции. Ответы персонажей сказки – это и сообщение информации (коммуникативная функция), и «самопрезентация», представление себя (контактная функция). Контактная функция «представления себя» часто смыкается с эмотивной («Вот кто я» и «Вот какой я»), что особенно очевидно в песенке Колобка (которая к тому же является выражением поэтической функции, исполнением).

Таким образом, речевой акт может выполнять ряд функций. Если понять, что делает говорящий посредством речи, можно предположить, зачем он это делает, т.е. определить основную функцию его высказывания. Для этого необходимо ответить на ряд вопросов: 1) как ведет себя говорящий (*шутит, любезничает, любопытствует, резонерствует, хвастается, обижается, жалуется, халит, восторгается, негодует, брюзжит* и пр.) – именно эта характеристика речевого поведения может вызывать протест адресата («*Не дерзи!*», «*Не хвастайся!*»); 2) что за действие он совершает по отношению к собеседнику (*спрашивает, приказывает, просит, разрешает, запрещает, советует, приветствует, благодарит, дразнит, хвалит* и пр.); наконец, 3) что он высказывает по поводу предмета сообщения, как он трактует факт (*утверждает, выясняет, отрицает, предполагает, подвергает сомнению, выражает его желательность или необходимость* и пр.). Трудности, возникающие при ответе на любой из этих вопросов, могут свидетельствовать о невыраженности, неясности, неопределенности данного аспекта речевого действия и соответствующей функции у высказывания. Напротив, минимальные структуры комментирования указывают на наличие определенной функциональной нагрузки.

Возможность использования для характеристики речевого действия безобъектного глагола речевого самовыражения говорит о присутствии эмотивной функции; использование глаголов коммуникативного действия, нормально имеющих один объект – сообщаемое, может свидетельствовать о собственно коммуникативной (референтивной) функции; использование глаголов речевого воздействия, имеющего одним из объектов адресата, – о речевоздействующей (конативной, побудительной) функции. Надо заметить, что среди глаголов речевого воздействия присутствуют и глаголы, имеющие единственный объект в валентной структуре: это могут быть глаголы, отмечающие социальные воздействия (*приветствовать, благодарить, поздравлять* и пр.) либо эмоциональные и оценочные воздействия (*хвалить, бранить, осуждать, укорять* и пр.). (Высказывание У. Эко об эмотивной функции может быть понято в том смысле, что экспрессивность выражения - проявление эмотивной функции - оказывает эмоциональное воздействие на адресата).

Интерпретация вопросительных высказываний (говорящий *спрашивает* у адресата о чем-либо) оказывается неоднозначной. Вопрос представляет собой и коммуникативное действие - выяснение, запрос информации, и воздействие на собеседника, побуждающее к ответу, соответственно, он выполняет обычно и апеллятивную, и собственно коммуникативную функции.

Таким образом, характер глаголов комментирования, контекст ситуации речи и словесная структура высказывания позволяют анализировать его функциональную направленность на основе интерпретации коммуникативного намерения говорящего.

В заключение следует подчеркнуть, что определение функций высказывания зависит от принятой системы анализа, исходной структуры коммуникации. «Этнография речи» Хаймза оперирует незакрытым списком компонентов коммуникативного акта (от 16 до 30), каждый из которых может быть функционально значимым. Лингвистика текста использует собственные функциональные противопоставления, различая текст и метатекст; метатекстовую функцию могут выполнять как отдельные элементы (частицы, вводные слова), так и высказывания и блоки текста [5], [6]. Так, авторское обращение, вводящее основной текст в контекст общения с читателем, выполняет метатекстовую функцию по отношению к тексту сказки:

(15) «...А кот ученый

Свои мне сказки говорил.

Одну я помню; сказку эту

Поведаю теперь я свету.»

Функция предлагаемого сообщения преимущественно метатекстовая, приглашающая к размышлению над текстом Р. Якобсона. В некотором смысле она претендует считаться метаязыковой, служащей осмыслению и доопределению известных понятий.

Литература

1. 1. Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
2. 2. У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург, 1998.
3. 3. Л.Л. Федорова. Виды речевого воздействия и роль интонации в их распознавании. // Московский лингвистический журнал. 1996, № 3.
4. 4. D. Hymes. Models of Interaction of Language and Social Life. //Directions in Sociolinguistics. J. Gumperz and D. Hymes (eds.), N.Y., 1972.
5. 5. А. Вежбицка. Метатекст в тексте. //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
6. 6. Л.Л. Федорова. О двух референтных планах диалога. //ВЯ, 1983, № 5.